

Но я пока не могла начать. Не хватало одной вещи.

Я закрыла глаза и выдохнула. Я потянулась вперед и сквозь себя, в необъятное запредельное.

- Настройка. Включение.

Герой, которого я выбрала, соединился со мной, наполнил меня, я почувствовала, что её сила стала моей собственной, но лишь частицей, фрагментом, а не всей ее мощью.

Наставничество великих героев

Айфе Лайкхрад.

Это ещё одно невероятно обыденное использование ошеломляющей силы, способной подчинять реальность моей воле, но я уже проделывала подобное раньше - занималась этим почти два месяца, прежде чем начала играть с магией и отвлеклась. В том, чтобы проделать это снова, не было ничего нового.

Я выбрала навык, который выбрала сама, "Флейтист", и могла видеть прогресс, которого уже достигла. Ранг E, если выразиться точнее. Едва ли компетентна. Знание основ, умение воспроизводить простые мелодии, но совершенно недостаточный для концертного зала.

Активировав эту Благородную Фантазию, я поднесла флейту к губам, выровняла мундштук, закрыла глаза и начала играть.

Я была ужасна. Я легко признавала это. Есть ребята вдвое моложе меня, которые, вероятно, будут намного лучше и опытнее, и даже для школьного оркестра я звучала как наполовину приличный халтурщик. Впрочем, мне было всё равно, потому что мне становилось лучше. Мне было всё равно, потому что даже на таком низком уровне я достаточно хороша, чтобы соответствовать кому-то, кто играл на флейте в течение года. Мне было всё равно, потому что Айфе Лайкхрад позволит мне освоить его до конца лета.

Это связь с моей матерью, и ничто не помешает мне сохранить её.

Я, должно быть, играла почти три часа, пробираясь сквозь несколько мелодий, которые знала скорее инстинктивно, чем по памяти. "Мерцай, мерцай, маленькая звездочка", "Брат Жак" и, в конце концов, "Ода радости" прозвучали и эхом разносились над маленькой крышей, и пока я сидела там, играя их, в течение нескольких мгновений, я почти могла представить, как мама сидит напротив меня и тоже играет их.

Затем, настойчиво, я перешла к "К Элизе", "Зелёные рукава" и, наконец, "Мальчик Дэнни". Последнее вызвало странное ощущение, потому что папу звали Дэнни, и, может быть, эта странная связь, но я не могла удержаться от неё.

Когда, наконец, мои губы слишком онемели, чтобы продолжать, я открыла глаза и положила флейту на колени. Положение солнца резко изменилось, и лестничный пролет, к которому я прислонилась спиной, отбрасывал длинную тень, полностью поглотив меня.

Несколько минут я просто сидела там. Я чувствовала себя... почему-то спокойнее, чем когда поднялась сюда. Возможно, не лучше, потому что проблема Софии-Теневого Сталкера все еще не давала мне покоя, но теперь мне легче с этим справиться.

Хотя папа, наверное, ужасно волновался.

Я снова разобрала флейту на три части, затем осторожно положила их обратно в кейс, в котором принесла, и защелкнула его. Как только это было сделано, я засунула кейс обратно в рюкзак, снова накинула его на плечи и подошла к выступу, с которого я впервые поднялась на крышу.

Моя базовая форма Излома облегчила приземление, как вчера, когда я встречалась с Лизой. Когда я убедилась, что никто не придет проверить звук удара о землю, я снова превратилась в обычную Тейлор Эберт и вышла обратно на улицу, где в час пик было оживленно.

На мгновение я подумала попытаться сесть на автобус и таким образом вернуться домой, но в час пик движение в Броктон-Бей становилось адским. Не так плохо, как, скажем, в Нью-Йорке, но из рассказов, которые я слышала от папы, и даже из того, что я видела сейчас, не будет необычным провести пятнадцать или двадцать минут, застряв на одном месте. Папа и без того достаточно обеспокоен; я не хотела добавлять к этому ожидание дополнительных полутора часов, не тогда, когда пойти пешком, будет быстрее.

К счастью, моя обувь одна из тех вещей, которые я зачаровала, когда поняла как зачаровывать, так что, хотя они не предназначены для бега, они всё равно достаточно удобны, чтобы не травмировать мои ноги при беге в них.

Так что, я побежала. Я позаботилась, чтобы темп был лучше, чем во время моего полубезумного спринта из дома ранее, так что в общей сложности мне потребовалось около двадцати минут, чтобы вернуться в свой район, где я сбавила скорость и перешла на бег трусцой. Прошло еще пять минут, прежде чем показался мой дом.

И там, сидя на переднем крыльце и явно ожидая меня, был папа.

Я застыла. Прошло несколько секунд, пока я стояла там, наполовину готовая вернуться, но они казались мне часами, и пока я стояла там, прямо через дорогу от нашего парадного крыльца, я волновалась.

Что, если он всё еще злится на меня?

Что, если он не сможет простить меня после тех ужасных вещей, которые я ему наговорила?

Что, если мы снова начнем ругаться?

Что, если он не хочет моего возвращения?

Я убежала после того, как наговорила кучу по-настоящему злых, по-настоящему ужасных слов, которые в то время казались приятными, слов, которые я сказала просто, чтобы ранить его так сильно, как только могла. Некоторые из этих слов...Я не знала, как бы смогла простить их, будь на его месте, тем более что теперь они казались похожими на те слова, которые могла бы сказать Эмма, на те слова, которыми меня мучили в течение двух лет.

Я... я только начала возвращать папу. Он только начал по-настоящему улыбаться и смеяться. Прошло всего несколько дней с тех пор, как он снова начал отпускать те банальные шутки и цитировать свои любимые фильмы. Что, если я всё испортила, снова оттолкнув его? Что, если всё это исчезнет, и мы вернемся к прошлым четырем годам, когда мы почти не разговаривали и никогда не говорили друг другу больше двух слов за раз?

Не думаю, что смогу это вынести. Только не снова. Я потеряла маму, а затем, в последствии, потеряла отца. Не думаю, что смогу пережить его потерю снова, как раз в тот момент, когда он

начал возвращаться.

Но папа забрал решение из моих рук; он поднял глаза и увидел меня, и когда что-то похожее на облегчение отразилось на его лице, он крикнул:

- Тейлор!

Затем он побежал ко мне, пересекая лужайку большими шагами, и прежде чем я успела что-либо обдумать, мои ноги начали двигаться сами по себе, я тоже побежала к нему. Мы встретились где-то посередине, столкнувшись с силой, от которой у меня чуть не перехватило дыхание, он заключил меня в самые крепкие объятия, какие я когда-либо могла припомнить, я обняла его в ответ так же крепко.

- Слава богу, ты дома, - пробормотал он мне в волосы. - Ты дома, ты дома, ты дома!

- Мне жаль, - сказала я ему в рубашку, и внезапно заплакала, и не знала почему, и мне было всё равно почему. Казалось, что вся гадость, которую я обрушила на него ранее, была смыта, как будто меня начисто вытерли от всех тех ужасных мыслей и чувств, как будто с каждой слезой они покидали меня. - Мне жаль, папа. Мне очень жаль.

- Всё в порядке, - успокаивающе сказал мне папа. Рука в моих волосах начала поглаживать мой затылок. - О, Тейлор, всё в порядке.

Я почувствовала, как что-то мокрое впиталось в мои волосы, и поняла, что папа, должно быть, тоже плакал. Он раскачивал нас взад-вперед из стороны в сторону, я снова почувствовала себя маленькой девочкой, как будто только что прибежала к нему после ночного кошмара. Годы, когда мы просто выживали, почти не разговаривали, говорили так мало, что стали двумя незнакомцами, живущими в одном доме, растаяли, и мы с папой снова стали семьей — все еще разбитой, всё ещё без очень важной части, которая завершила бы нас, но всё равно семьей.

- Ты дома. Это всё, что имеет значение. Всё в порядке.

И впервые почти за четыре года я поверила ему.

— o.o.o.o.o —

<http://tl.rulate.ru/book/85742/3158305>